

СУДЬБЫ И КОНТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Н.В. Наумова, А.С. Глушак

СЛАВЯНСКАЯ ДУХОВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Аннотация. Анализируя специфику мировосприятия славянского мира, авторы показывают, что после принятия христианства наша культура на долгие века как бы застыла в религиозном плену. Всё развитие происходило в рамках религиозной, а именно христианской, православной традиции. В статье рассматривается смена духовных доминант при переходе от язычества к христианству. Показывается, что язычество учило человека жить в гармонии с природой, христианство же учит жить человека в обществе. Христианство приходит тогда, когда индивид вырывается из пут коллектива. Вместе с тем христианство на Руси имеет свои особенности, оно никогда не было абстрактно-теоретично, оно было практично и нравственно-поучительно. В статье также рассматривается отношение человека к природе и социуму в контексте восточных и западных мировоззренческих парадигм. Если Востоку присуще прислушивание к голосу природы, то на Западе доминирует борьба с природой, ощущение себя надприродным существом. Восток не поёт того гимна разуму, который поёт Запад. На Западе доминирует рационализм, на Востоке превалирует иррационализм.

Методология исследования: компаративный философско-религиоведческий анализ. **Основной метод исследования:** компаративно-аналитический. **Общенаучные методы:** анализ, синтез, обобщение, индивидуализация. Проанализировав отличия духовных, мировоззренческих доминант Востока и Запада, авторы пытаются определить к какому же способу миро- и жизневосприятия можно отнести восточно-славянское сообщество. Опираясь на К. Юнга и А. Швейцера, делается вывод, что западная культура более экстравертна, а восточная интровертна, что православию более присуще миро- и жизнеотрицание. Восток консервативен, а Запад же прогрессивен. Идея миро- и жизнеотрицания имеет в нашем сообществе более крепкие и глубокие корни. Для нас понятнее и ценностно важнее вопрос не о том, как устроен мир, а о том, как прожить правильно жизнь, вопрос о смысле и цели жизни всегда более волновал наших сограждан. Анализируя спор западников и славянофилов, надо сказать, что они в основном рассматривали дилемму Восток – Запад в контексте отличия католицизма и православия, а не в более широком плане отличия восточных и западных мировоззренческих парадигм.

Ключевые слова: апофатическое богословие, катафотическое богословие, язычество, христианство, мировоззрение, духовная жизнь, интровертность, экстравертность, рационализм, иррационализм.

Abstract. Analyzing the specificity of perception of the Slavic world, this article demonstrates that after accepting Christianity, the Russian culture as if froze in the religious captivity. All the development was taking place within the framework of the religious, namely Christian Orthodox tradition. The authors examine the shift of the spiritual dominants in transition from Paganism to Christianity. If Paganism taught a man to live in harmony with nature, Christianity teaches how to live in society. Christianity has its own peculiarities; it was never abstract or theoretical, but practical, ethical, and educational. The work also reviews the human relation to nature and society in the context of Eastern and Western worldview paradigms. For East it is characteristic to be in accordance with the voice of nature, while the West struggles against the nature, and imposes a feeling of a supernatural being. Rationalism dominates in the West, and irrationalism – in the East. The authors attempt to determine to which type of world and life perception the Eastern Slavic community can be referred to. Based on the views of C. Jung and A. Schweitzer, the conclusion is made that the Western culture is more extravert, while the Eastern culture is introvert. The West is progressive, and the East is conservative. For Orthodoxy, it is more characteristic to deny the world and life; it is more valuable to realize how to live a life properly, understanding the meaning and goal of life, rather than study the question of how this

world is structured. Analyzing the dispute between the Westerners and Slavophiles, we should note that the viewed the dilemma of East and West in the context of differences between Catholicism and Orthodoxy, and not in a broader sense as the differences between the Eastern and Western worldview paradigms.

Key words: *Irrationalism, Rationalism, Extraversion, Introversion, Spiritual life, Worldview, Christianity, Paganism, Cataphatic theology, Apophatic theology.*

В истории восточно-славянских народов много загадочного и непонятного. Вся история – это борьба теней и ярких образов, тьмы и света, полумрака и ярких лучей солнца. Солнечным светом всплывает Владимирово крещение во тьме языческого полумрака, ярким образом вспыхивает Рублевская «Троица» в удручающем и тусклом молчании интеллекта. Г.В. Флоровский и Д.С. Лихачёв пишут о затянувшемся молчании русского народа [1; 2, с. 6]. Что скрывается за этим многовековым молчанием? Действительная пустота интеллектуальной жизни? Полное отсутствие духовного поиска или сонное царство восточно-славянской действительности. «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», фрески Рублева и Максима Грека, великолепные храмы – вот те огни, которые вспыхивают во тьме и не дают сказать, что восточно-славянское царство дремлет как древний богатырь на печи. Однако вспышки света действительно очень редки. В чём же причина того, что кипящий котёл так редко выпускает пар. Да и вообще кипит ли сам котёл? У нас слишком мало материальных опредмеченных свидетельств интеллектуального поиска восточно-славянского братства. О чём говорит это затянувшееся молчание?

Прежде всего надо сказать о специфике культуры восточно-славянского сообщества. А специфика этой культуры такова, что она не предполагает создания материальных памятников. Чем прославлял себя князь Владимир после какою-нибудь удачного предприятия? Он не строил храм или какую-нибудь грандиозную башню, не сажал писцов описать это знаменательное событие – он устраивал пир на весь мир [3]. О чём пишет Владимир Мономах в своих наставлениях детям? Он пишет о том, чтобы прежде всего чада его заботились о своей душе. Наша культура более интровертна, чем экстравертна, если использовать определение К. Юнга. Специфику нашей культуры выразил известный русский философ Н.А. Бердяев, когда сказал, что наш народ «устремлён к внутренней духовной жизни». А внутренняя духовная жизнь не нуждается в её материальном оформлении. Это стяжание духа, эта внутренняя духовная жизнь существует по другим законам бытия.

Если западная духовная жизнь более экстравертна, она направлена во вне, то наша культура

молчалива, но это не значит, что она пуста и бесплодна. Наша культура специфична. Тут сказываются и бескрайние просторы и непростые климатические условия. Но всё же почему она так слабо выражает свои духовные поиски, почему так немногочисленны вспышки света во мраке безмолвной пустоты? Наша культура приняла христианство и на долгие века как бы застыла в религиозном плену. Всё развитие происходило в рамках религиозной, а именно христианской, православной традиции. Никаких философских потуг почти не породило наше отечество вплоть до XIX в. Открыв для себя христианскую религию, на протяжении веков, наши соотечественники не переставали удивляться неисчерпаемости этого источника и вновь и вновь экзегетировали по этому поводу. Если Запад породил и светскую мудрость и искусство, то наши собратья с искренностью первооткрывателей на протяжении веков удивлялись христианским истинам.

Более того, христианство пришло на Русь в своём иррационально-мистическом варианте. Схоластическая мудрость не прижилась на наших землях, как и все проявления рационализирующего сознания в христианской религии. Из двух течений в богословии: апофатическом и катафатическом Русь выбрала первое – отрицательное, более мистическое. Византийский исихазм пришёл на Русь из Афона, и постепенно трансформировался в киеворусский (или древнерусский) исихазм, центром которого стала Киево-Печерская Лавра [4, с. 846-847].

Если говорить об особенностях духовной культуры Киевской Руси, то ей присущ переходный характер. Русь меняла веру своих отцов на новую христианскую культуру. Причём эта смена духовных доминант пришла в каждый дом, в душу каждого человека. Изменилось отношение человека к жизни и смерти, изменились представления о добре и зле, изменилось в целом мироощущение и мировосприятие. Изменения были глобальные и касались многого, начиная от всеохватывающих проблем устройства вселенной до самых мелких бытовых вопросов. Изменился сам человек, изменились взаимоотношения между людьми, изменился весь социум.

Прежде всего языческая религия учила человека как жить в гармонии с природой. Язычник

молился Перуну как богу грома и молнии, ублажал домовика как хранителя его очага. Язычество учило жить человека в природе, в ладу и гармонии с ней. Христианство вырывает человека из природы и делает его социальным существом. Как жить человеку в обществе – такова основная задача христианства. И здесь на первый план выступают нравственные проблемы. Не убий, не укради, не прелюбодействуй – это заповеди нравственного поведения человека в обществе. И так, язычество учило человека жить в гармонии с природой, христианство же учит жить человека в обществе, среди других людей.

Язычество более практично, христианство же более абстрактно-теоретично. Язычество регламентировало каждый шаг человека, потому что за каждым явлением стояло какое-либо божество. Мир богов был параллельным миром реального мира. И человек был вынужден постоянно заботиться об ублажении того или иного божества, которое стояло или было ответственно за то или иное действие. Христианство открыло человеку истину, что мир един и управляет этим миром один Бог. Разорванный на части мир язычника вдруг стал единым универсальным миром, где правит не сонм мелких и часто зловредных богов, а единый всеблагой и добрый Бог.

Мир для язычника был полон зла, это был злой и полный немилости к человеку мир постоянной тревоги. Христианский Бог добр по своей природе и христианство даровало добрый и милостивый к человеку мир.

Вместе с тем, если язычник перекладывал на богов ответственность за свои поступки и их последствия, то христианство учило тому, что человек сам отвечает за свою жизнь. Человек в язычестве – это игрушка в руках богов, человек в христианстве – это творец и сотворец своей судьбы. Христианство даровало человеку добрый мир, где зло исходит лишь от самого человека. Язычник же живёт в злом мире и лишь по крохам вымалывает у своих богов покровительства и добра.

Христианство приходит тогда, когда индивид вырывается из пут коллектива. На арену истории выходят личности. И вот этой личности христианство помогает осознать себя самостоятельной величиной. Политеистические, языческие религии удовлетворяют потребности коллективистически устроенного общества, христианство приходит тогда, когда индивид как самоценностная величина всё более вырывается из пут коллектива и общество всё более атомизируется и начинает представлять из себя не коллективное сообщество, а сообщество индивидов.

Христианство и язычество – это диаметрально противоположные системы ценностей и уходя из одного мира и приходя в другой мир человек менял свою сущность и всю систему жизненных доминант.

Каково же было христианство в период своего воцарения на новой ойкумене? Оно было прежде всего любознательно. Ценилась мудрость отцов церкви, поэтому популярны были прежде всего Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Василий Великий, Ефрем Сирийский. Христианство на Руси было также любословно. Ценился хороший слог, красивая образная речь. Христианство на Руси не было абстрактно-теоретично, оно было практично и нравственно-поучительно. Не велись на Руси споры о трёх ипостасях Бога, о его подобосущей природе, а ценились поучения о добре и зле, в целом нравственно-практические поучения. Через христианство человек учился жить в гармонии с самим собой и окружающим его социумом.

Христианство открыло для русича целый мир, теперь он стал не просто членом какого-либо рода-племени, а христианином, братом во Христе миллиона и миллиона людей, Теперь он в любой части света, в любой другой стране мог прийти в храм и почувствовать себя частицей всеобъемлющего христианского мира.

Это ощущение приобщения к великому христианскому миру хорошо осознал первый русский митрополит Иларион в своём «Слове о законе и благодати» [5], где он пишет о приобщении русского народа к целой христианской ойкумене.

Христианство на Русь принесло культуру мысли, культуру слова, культуру общения с самим собой и с миром. Христианство научило русича жить в новом для него едином мире христианских установок.

Мир христианских ценностей, открывшийся новообращённым русичам, был безбрежен и не переставал удивлять их на протяжении всего их исторического существования. Прежде всего, это заповедь: «Возлюби ближнего как самого себя». Она более прижилась в другом библейском варианте: «Возлюби ближнего как Бог возлюбил нас». В христианстве в отличие от восточных религий заповедь любви к самому себе не получила дальнейшего развития. На Востоке человек – это микрокосм как подобие макрокосма. Любя себя, человек любит весь мир. На Западе же идея любви к себе не получила должного внимания. На Востоке человек растворён в коллективе, он неразрывная единица целого. Чтобы не затеряться в этом коллективе, в этом безбрежном просторе макрокосма, восточные религии ставят во главу угла человека. Человек – вот главная проблема восточных религий. На

Западе же в центре внимания стоит Бог, а человек рассматривается лишь во взаимосвязи и взаимодействии человек – Бог. Что из этого вытекает? Восточные религии, прежде всего, человеколюбивы, западные – боголюбивы. На Востоке проблема человека разработана во всех деталях, человек рассмотрен во всех его ипостасях, во всех деталях его существования. Человек на Востоке – это главная проблема всех религий. На Западе главной проблемой христианских религий выступает Бог. Человеку не дают сконцентрироваться на самом себе, ибо все дороги ведут к одной идее – идее единого Бога.

Отсюда вытекает совершенно разное мироощущение. Человек на Востоке растворён в природе и социуме, но религия учит его внутри себя ощущать себя самоценным существом. На Западе человек индивидуалистичен, но религия учит его любить не себя, а Бога. Так уравнивается чаша весов.

Интересно отношение к природе и социуму на Востоке и Западе. Человек на Востоке – это неразрывная единица, даже не единица, а часть природы. Он слит с ней и чем ближе он к природе, тем более он выполняет своё предназначение. Слиться с природой, раствориться в ней – такова задача восточного человека. На Западе же человек явственно ощущает своё отличие от природы, он вырвался из природы и хочет господствовать над ней. Если Востоку присуще прислушивание к голосу природы, то на Западе – борьба с природой, ощущение себя надприродным существом.

Цель восточного человека во всём подражать природе, западный же человек совсем забыл, что он вышел из лона природы. Христианство в отличие от язычества не учит прислушиваться к голосу природы. Это отнюдь не значит, что Восток потакает всем природным прихотям человека. Христианство же учит прямо бороться с природными инстинктами. Восток не борется с природными инстинктами, а направляет их в правильное, здоровое русло. Кама-сутра никогда не могла появиться на Западе, но она родилась на Востоке.

Жить в гармонии с природой учат восточные религии, жить в гармонии с Богом учат западные религии.

Духовная жизнь на Востоке не исключает прислушивания к голосу плоти. Тело на Востоке требует к себе особого внимания. Вся система йоги в конце концов учит держать плоть в гармонии с природой. На Западе же плоть грешна и зазорна. Умерщвление плоти – таков идеал христианства. Очищение тела, его гармоническое развитие – таков идеал Востока. Тело – темница души – это аксиома Запада. Тело храм души – таков идеал Востока.

На Востоке нет дуалистического разделения человека на тело и душу. Гармоническое единство всех составляющих человека – такова основная мысль восточных религий.

«Христианство освободило человека от власти космической бесконечности, в которую он был погружён в древнем мире, от власти духов и демонов природы. Оно поставило его на ноги, укрепило его, поставило его в зависимость от Бога, а не от природы» [6, с. 159], – писал Н.А. Бердяев. Восток же не боится этой космической бесконечности, мир безбрежен и бесконечен – учит буддийская философия и в этой бесконечности его мощь и красота.

На Востоке человек одинок перед стихиями макрокосма. На Западе человеку помогает Бог, он может чувствовать его поддержку и защиту. На Востоке человек сам отвечает за свои поступки и свою судьбу, он одинок и никто не может ему помочь на его жизненном пути, он сам себе господин и сам водитель корабля своей жизни. На Западе человек уповает на помощь Божью. Он не одинок. Он всегда может попросить Божьего заступничества.

На Западе главным водителем человека является разум, а чувства являются часто лишь вредным возмутителем спокойствия, их следует укрощать и приручать, а от многих чувств просто избавляться с помощью его величества разума. Разум – господин и главный критерий истины. Восток же пестует и чувства человека. Разум занимает где-то даже подчинённое положение по отношению к чувствам. Восток не поёт того гимна разуму, который поёт Запад. Запад рационалистичен, Восток же иррационалистичен.

Восток учит, что каждый человек есть бог, будда и проблема заключается лишь в том, что человек этого не знает. Запад никогда не учил, что человек – это бог, он есть подобие Бога. Что из этого вытекает? На Востоке идеал человека стать всемогущим как бог, для этого разработано множество методик. Человек может путём самосовершенствования стать богом. На Западе человек может лишь уподобляться Богу, но никогда не достигнет могущества и божественной силы. На Востоке разработано множество методик физического, духовного, психического, этического самосовершенствования. На Западе совершенствование идёт больше в морально-этической сфере, а физическому совершенствованию долгое время совсем не уделялось внимания.

Запад делает акцент на нравственно-этической проблематике. Проблема добра и зла, борьбы со злом – это узловые категории западного мышления. На Востоке добро и зло как инь и ян взаим-

но переплетены, между ними нет диаметральной противоположности, каждое явление одновременно и добро и зло. Если на Западе нравственно-этические проблемы стоят в центре внимания, то на Востоке они оттеснены на второй план и не являются доминирующими.

Восток познаёт мир как единое целое. Запад же расчленяет его на составные части и потом изучает не целое как таковое, а его составляющие. Поэтому на Западе мир как целое часто теряется из виду. Однако Запад преуспел в изучении составляющих сторон и достиг в этом определённого успеха. В этом кроется одно из условий его материально-технического успеха. Восток же очень боится потерять ощущение мира как единого целого. Это для него одно из главных познавательных принципов. Поэтому мир на Востоке един и не делим, на Западе же он расчленён и многолик.

Запад культивирует постоянное, вечное и неизменное. Выражение: «Остановись мгновение – ты прекрасно» никогда не могло появиться на Востоке. Восток культивирует изменчивость. Самое постоянное и устойчивое на Востоке – это текущий поток воды. Таким образом, Запад культивирует неизменное, Восток же изменчивость.

Этому, кажется, противоречит утверждение, что Восток консервативен, а Запад же прогрессивен, но это так. Одно не исключает другого.

Отмечая особенности западного и восточного мышления, К. Юнг справедливо подчёркивает такое главное отличие духовных доминант: Запад – экстравертен, его более интересует внешний мир, и внутренние субъективные ощущения воспринимаются как «всего лишь субъективные», Восток же интровертен, он более озабочен внутренним миром человека [7, с. 110]. О том, что Запад и Восток долго шли двумя разными путями, становится всё более очевидным. Запад более преуспел в организации внешнего бытия, но всё более ощущает внутреннюю пустоту. Восток же более преуспел в умении духовным богатством компенсировать вечную неудовлетворённость количеством материальных благ.

С большой долей условности можно отметить, что в восточном восприятии жизни доминирующими тенденциями, наряду с интровертностью, являются иррационализм, космоцентризм, идеализм, пессимизм. Для западного восприятия же более характерна экстравертность, рационализм, антропоцентризм, материализм и оптимизм. Однако это ни в коей мере не означает, что эти доминанты, определяя сущность духовной жизни, проявляют себя в чистом виде и являются самодостаточными. Напротив, вся история духовной жиз-

ни Запада есть, в частности, и история попыток ухода, например, от довлеющего рационализма к поиску истины в иррационализме, ибо, строя расчётливо-логические схемы бытия, изучая природу и общество, западный человек всё более ощущает, как далеки они от сущности жизни и как мало они помогают ощутить собственное бытие каждому конкретному индивиду. И вновь возникает бунт против иллюзии всепобеждающего разума, за право на чувство, на веру в то, что через прозрение, интуицию, духовную работу над собой человек, как Единичное, устремляется к Абсолюту. Бунт Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» не случайно звучал всегда, но вновь был открытием в воззрениях С. Кьеркегора – Тертуллиана XIX века. Сосуществование этих двух парадигм очень точно охарактеризовал Герман Гессе: «Мудрости Востока и Запада... не враждебные борющиеся силы, но полюсы, между которыми раскачивается жизнь» [8, с. 217].

А. Швейцера главную отличительную черту увидел в разных принципах отношения к миру и к жизни. Для Запада, по его мнению, характерно жизне- и мироутверждение, для индийской мысли – жизне- и мироотрицание. Зороастризм и китайская цивилизация, по А. Швейцера, также характеризуются миро- и жизнеутверждением. На Западе человек рассматривает бытие, свою жизнь как нечто важное. Это предполагает любовь к миру. «Индийская мысль устремляет взор на чистое бытие и отрицает весь вещественный мир», ведь видимый нами мир – это лишь иллюзия, майя. «Как человеку достичь единения с бесконечным бытием – основная мысль индийской философии», – по мнению А. Швейцера. Эти две идеи в реальной жизни сосуществуют и в Западном мире при доминировании идеи миро- и жизнеутверждения бывали периоды преобладания идеи миро- и жизнеотрицания. Неоплатонизм, греко-восточный гностицизм и в целом поздняя античность провозгласили идею миро- и жизнеотрицания. Для христианства эта идея также является самой главной и до конца средневековья западная мысль находится под влиянием миро- и жизнеотрицания, когда человек более занят заботами о спасении души. Однако миро- и жизнеотрицание у Христа отличается от индийского. Оно связано с ожиданием доброго и совершенного мира, оно отрицает мир злой, несовершенный, а индийское понимание устремляет взор на чистое бытие и отрицает этот мир совсем. Этика Христа предполагает не только бездеятельную этику внутреннего совершенствования, но и одухотворенную деятельную любовь к ближнему, а поэтому она более склонна к миро- и жизнеутверждению. Миро- и жизнеут-

верждение, по мнению А. Швейцера, естественно, а миро- и жизнеотрицание противоестественно. Идеи миро- и жизнеотрицания противоречат этике любви к ближнему. И если миро- и жизнеотрицание идёт на уступки этике, то идея теряет себя и может перейти к добродетелям [9].

В свете этой трактовки отличия духовных, мировоззренческих доминант попытаемся определить, к какому же способу миро- и жизневосприятия можно отнести восточно-славянское сообщество. Думается снова, что для нашего менталитета менее присуща парадигма миро- и жизнеутверждения. Мы не умеем строить материальный рай на земле, обустроить быт, делать красивым и ухоженным каждый клочок пространства вокруг себя. Мы не умеем бороться за блага материального мира, не умеем так любить деньги, власть, богатство, не умеем так основательно утверждаться в этом мире, как это свойственно западному человеку. «Народы Запада добродетелями своими прикованы к земной жизни и земным благам. Русский же народ добродетелями своими отрешён от земли и обращён к небу» [10, с. 361], – замечает великий русский философ Н.А. Бердяев.

Идея миро- и жизнеотрицания имеет в нашем сообществе более крепкие и глубокие корни. Есть точка зрения, что эти идеи жизнеотрицающего мрачного аскетизма принесло нам христианство, извратив радостное жизнеутверждающее восприятие жизни, присущее славянам до принятия христианства. Скорее всего, это не так, поскольку даже само христианство, разделившись на две наиболее крупные ветви – православие и католицизм, отразило эти же два способа понимания жизни. Католицизм в конце-концов оказался более миро- и жизнеутверждающей линией христианства, чем православие, где доминирующей оказалась всё же идея миро- и жизнеотрицания.

Философ западноевропейской цивилизации своей главной задачей ставит проблему познания мира, он как бы вычленяет себя из мира и как сторонний наблюдатель изучает его. На Востоке любой человек, а тем более просветлённый, мудрец никак не выделяет себя из мира, он слит с ним, неотделён от него и чем больше эта слиянность, тем гармоничнее человек. Если основным вопросом западноевропейского мышления является «Как существует мир?», то основной вопрос восточного осмысления мира «Как надо прожить жизнь?». Западноевропейский стиль мышления стремится к упорядочению мира, к построению схем познания этого мира и это познание идёт через противопоставление и борьбу двух начал добра и зла, тела и души, природы и духа. Если на Западе борьба явля-

ется основой движения и развития, то на Востоке такой центральной идеей является пассивность, недеяние, надо лишь слиться с потоком ритма жизни, подчиниться ему как движению ветра, но ни в коем случае не бороться. Если для Запада борьба противоположностей это один из законов жизни, то для Востока «инь» и «ян» – это не два противоположных полюса, не взаимоисключающие начала, они существуют во взаимопереходах и взаимопереливах, это взаимопроникающие стихии, слитые в единое целое. Если на Западе есть индивидуальное «Я», то на Востоке такого «Я» не существует, оно стремится к слитности с природой и миром. Если характерной чертой европейской цивилизации является уверенность во всемогуществе человека, то на Востоке человек, а тем более мудрец стремится к единству и общности с Высшей Реальностью.

Возвращаясь в наши пределы можно отметить, что ближе нам оказываются всё же восточные, а не западные установки. Для нас понятнее и ценностно важнее вопрос не о том, как устроен мир, а о том, как прожить правильно жизнь, вопрос о смысле и цели жизни всегда более волновал наших сограждан. Между двумя ценностными установками борьбой за жизнь и пассивностью и недеянием мы стоим где то посередине.

В душах нашего народа есть такая установка: наработать определённое количество материальных благ большим, по известному выражению, со «звероподобным рвением» трудом, но потом спокойно в одно мгновение потерять, «пустить на ветер» эти блага. Ведь в наших российских землях до последнего времени мало было богатых людей, и отношение к ним было весьма отлично от западного. У нас также нет западноевропейского «Я». Отдельного индивида, выбившегося из коллектива, чаще всего не ценили у нас. Запад любит и лелеет этого «Я», чего-то добившегося индивида. Менталитету русского народа скорее присуще отрицательное, чем положительное отношение к личностям. В местоимениях «Мы» и «Я» мы отдаём предпочтение «Мы», но не «Я».

Проблемы отличия западного и восточного пути, собственно проблема противопоставления Востока и Запада является сквозной как для нашего самосознания, так и всей духовной философской традиции. Располагаясь между Европой и Азией и постоянно тяготея к просветлённому Западу, Россия постоянно переживала и осмысливала своё промежуточное положение. Например, А.С. Пушкин писал: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой», «история её требует другой мысли, другой формулировки». Осознавая отличность славянского мира от

Европы, общественная мысль пришла к выводу, что это отличие и заключается в том, что мы всё же принадлежим к восточному миру (хотя многие были склонны считать, что Россия имеет свой путь, отличный от Востока и Запада), хотя собственно Восток – культура Китая, Индии, мусульманских стран – оставались куда менее известны, чем стран Запада.

В философской мысли России проблема Востока и Запада стала предметом активного обсуждения в 30-40-х гг. XIX в. и породила два течения – славянофильство и западничество. Однако в рамках этих течений проблема Запада и Востока скорее рассматривалась как проблема отличия западного и восточного христианства, католицизма и православия, а не как собственно проблема двух миров в широком смысле, не как проблема отличия западной и восточной культур. Так широко осмысление ещё не велось. Индуистская, буддийская, синтоистская, конфуцианская традиции были практически не известны и их родство или отличие с собственной православно-славянской культурой не могло быть осмыслено.

Осознанно было то отличие, что в основе западной цивилизации лежит католицизм и протестантизм, что западный мир более рационалистичен, а восточному христианству более присуще целостное познание. Один из ведущих теоретиков славянофильства И.В. Киреевский противопоставлял Россию и Европу на макро- и микроуровнях. На макроуровне он отмечает рассудочность европейской культуры и цивилизации. Православие зиждется на началах братства и смирения. На микроуровне И.В. Киреевский противопоставляет целостное сознание человека православной культуры односторонне-рассудочному западному человеку. Западный человек, для И.В. Киреевского, – это носитель духа эгоизма и индивидуализма, а славянскому миру присущ дух соборности или «общинности».

По мнению А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, католицизм и протестантизм извратили подлинное христианство и привели к духовной деградации. Православие же удержало приоритет духовных ценностей над материальными. В споре западников и славянофилов было также подме-

чено, что западному христианству присущ авторитаризм римского папы, православие же более присуща соборность, католичество более ориентировано на земные дела, учению о «добрых делах» католицизма противостоит идея синергизма как внутреннего, духовного просвещения. Католицизм ориентирует человека на активность в земной жизни, православие же созерцательно и более ориентирует человека на внутреннее делание, на внутреннюю духовную жизнь. Из этих особенностей двух ветвей христианства и двух разных культур выводилась особая роль славянских народов, их особая духовная миссия, предначертанность дать некий урок всему миру, идея «мессианства» России.

Специфика духовной культуры той или иной общности людей, любого народа кардинально, по-видимому, не меняется на протяжении всей истории существования. Культура обогащается, становится более насыщенной и многогранной, но некая стержневая ось всё же остаётся. Такое важное культурно преобразующее действие как принятие новой религии не меняет полностью характера народа, а напротив, приживаясь и ассимилируясь на новой почве, новая религия трансформируется и приобретает своеобразный характер. Так произошло и с христианской религией, когда она пришла на славянские земли. Нельзя говорить о том, что христианство полностью изменило и преобразило характер народа, его духовные запросы, хотя, несомненно, оно обогатило и направило духовное развитие народа.

Такого рода выводы напрашиваются после изучения памятников духовной культуры тысячелетней давности. Литературные памятники Киевской Руси свидетельствуют о том, что некая стержневая линия развития духовной культуры не изменилась за эти долгие века и проблемы, волновавшие Владимира Мономаха, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, волнуют нас и поныне, и поиск истины по сию пору идёт в том же направлении. Причём утверждение Владимира Мономаха, что то только наше и есть, что сделали мы для души своей [11, с. 413], остаётся стержневой осью духовной культуры нашего народа, даже если мы этого так и не формулируем и не хотим замечать эту догму нашего бытия.

Список литературы:

1. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 601 с.
2. Лихачев Д. Великий путь: становление русской литературы XI-XVII веков. М.: Современник, 1987. 301 с.
3. Глушак А.С., Наумова Н.В. Славянский пир как слагаемое духовной культуры // Культура народов Причерноморья. 2013. № 260. С. 29-31.
4. Жиртуева Н.С. Модификации византийского исихазма в культуре Киевской Руси, Московской Руси и Крыма // Философия и культура. 2015. № 6. С. 843-852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070.

- Иларион. Слово о законе и благодати // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 59-78.
- Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147-162.
- Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философии. М.: Медиум, 1994. 255 с.
- Гессе Г. К моим японским читателям // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Прогресс, 1982. С. 214-223.
- Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 209-233.
- Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. 421 с.
- Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М.: Худ. лит., 1978. С. 393-413.
- Гуревич П.С. Арианизм как мифология // Психология и психотехника. 2013. № 6. С. 525-528. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.8909.
- Павлова Е.В. Понимание нравственной ответственности власти в трудах древнерусских мыслителей // Право и политика. 2012. № 4. С. 767-772.

References (transliterated):

- Florovskii G.V. Puti russkogo bogosloviya. Vil'nyus, 1991. 601 s.
- Likhachev D. Velikii put': stanovlenie russkoi literatury XI-XVII vekov. M.: Sovremennik, 1987. 301 s.
- Glushak A.S., Naumova N.V. Slavyanskii pir kak sлагаемое dukhovnoi kul'tury // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2013. № 260. S. 29-31.
- Zhirtueva N.S. Modifikatsii vizantiiskogo isikhazma v kul'ture Kievskoi Rusi, Moskovskoi Rusi i Kryma // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 6. S. 843-852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070.
- Ilarion. Slovo o zakone i blagodati // Pamyatniki drev-nerusskoi tserkovno-uchitel'noi literatury. SPb., 1894. Vyp. 1. S. 59-78.
- Berdyaev N.A. Chelovek i mashina // Voprosy filosofii. 1989. № 2. S. 147-162.
- Yung K.G. O psikhologii vostochnykh religii i filosofii. M.: Medium, 1994. 255 s.
- Gesse G. K moim yaponskim chitatel'nyam // Vostok-Zapad: Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. M.: Progress, 1982. S. 214-223.
- Shveitser A. Mirovozzrenie indiiskikh myslitelei. Mistika i etika // Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. M.: Nauka, 1988. S. 209-233.
- Berdyaev N.A. Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy. Berlin, 1924. 421 s.
- Pouchenie Vladimira Monomakha // Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XI – nachalo XII veka. M.: Khud. lit., 1978. S. 393-413.
- Gurevich P.S. Arianizm kak mifologiya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 6. S. 525-528. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.8909.
- Pavlova E.V. Ponimanie npravstvennoi otvetstvennosti vlasti v trudakh drevnerusskikh myslitelei // Pravo i politika. 2012. № 4. S. 767-772.